Изъ академической жизни.

Въ приложеніи къ настоящей книгѣ журнала напечатанъ „Проектъ наиболѣе необходимыхъ временныхъ измѣненій и дополненій устава православныхъ духовныхъ академій“ и объяснительная записка къ проекту. Считаемъ нужнымъ этому важному документу академической жизни предпослать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.

Нѣкоторыя шероховатости въ ходѣ академической жизни, обнаружившіяся еще въ прошломъ учебномъ году, для многихъ членовъ академической корпораціи явились показателемъ того, что строй академій не во всѣхъ своихъ частяхъ соотвѣтствуетъ потребностямъ времени. Возникновеніе такой мысли весьма естественно. Уставъ духовныхъ академій существуетъ почти четверть вѣка. За этотъ продолжительный періодъ утекло много воды, и многое до неузнаваемости измѣнилось въ нашемъ отечествѣ. Государство пришло къ признанію необходимости строенія жизни на новыхъ началахъ, Церковь приступила къ кореннымъ реформамъ въ своей области, наука ушла впередъ, сознаніе личности всюду выросло. Само собой понятно, что это общее движеніе русской жизни не можетъ пройти незамѣтно для академій, и отъ него нельзя отгородиться никакими стѣнами. Школа должна служить жизни. Если жизнь измѣнилась, поставила новыя задачи, создала новые запросы, то и школа должна на нихъ такъ или иначе отвѣчать, должна къ нимъ такъ или иначе приспособляться.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

27-го августа 1905 г. сдѣлались извѣстными Высочайше утвержденныя для университетовъ временныя правила. Такъ-какъ въ предшествующій періодъ судьба академическаго устава была тѣсно связана съ судьбою устава университетскаго, то послѣ измѣненія послѣдняго (27-го августа) вопросъ о пересмотрѣ академическаго устава возникалъ съ особенной настойчивостью. Между членами академической корпораціи онъ сталъ предметомъ обсужденія. Тогда Преосвященный Ректоръ Академіи, епископъ Платонъ, идя на встрѣчу желаніямъ корпораціи, 5-го октября 1905 г. созвалъ общее собраніе профессоровъ съ цѣлью обсужденія вопросовъ академической жизни. Въ этомъ собраніи была избрана комиссія, которой поручено было обсудить, въ виду потребностей времени, академическій уставъ и высказать свои соображенія о необходимыхъ измѣненіяхъ въ немъ. Въ составъ коммисіи вошли проф. Н. М. Дроздовъ, В. З. Завитневичъ, прот. О. І. Титовъ, В. П. Рыбинскій, П. П. Кудрявцевъ и В. И. Экземплярскій. Къ 27-му октября коммисія представила Преосвященному Ректору Академіи печатаемый ниже проектъ. Вмѣстѣ съ этимъ коммисія внесла также предложеніе ходатайствовать предъ Св. Синодомъ отъ имени Кіевской духовной Академіи о разрѣшеніи устроить съѣздъ академическихъ профессоровъ для обсужденія положенія академій и для установленія единства во взглядахъ и дѣйствіяхъ академическихъ корпорацій. Прежде чѣмъ этому предложенію могло быть дано движеніе, 4-го ноября получена была отъ Г. Оберъ-Прокурора Св. Синода, Его Сіятельства, кн. А. Д. Оболенскаго телеграмма, которой академической корпораціи поручалось выбрать трехъ делегатовъ для участія въ совѣщаніи академическихъ профессоровъ по вопросу о мѣропріятіяхъ, могущихъ способствовать возстановленію нормальнаго теченія академической жизни. 5-го ноября Преосвящ. Ректоромъ было назначено собраніе наставниковъ академіи для выбора делегатовъ. Въ этомъ собраніи былъ прочитанъ и подвергся

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

обсужденію выработанный коммисіей проектъ неотложныхъ измѣненій академическаго устава. За краткостью времени проектъ не могъ быть обсужденъ собраніемъ во всѣхъ деталяхъ. Но основныя положенія проекта, съ которымъ члены собранія имѣли возможность ознакомиться ранѣе, были разсмотрѣны съ достаточною обстоятельностью. Въ общемъ, весь проектъ былъ принятъ большинствомъ членовъ собранія, а нѣкоторые отдѣльные пункты проекта почти единогласно. Произведенной затѣмъ закрытой баллотировкой для участія въ созываемой Г. Оберъ-Прокуроромъ коммисіи были избраны проф. В. З. Завитневичъ, Д. И. Богдашевскій и В. П. Рыбинскій.

Засѣданія комиссіи въ Петербургѣ происходили съ 10 по 22 ноября. Предсѣдателемъ коммисіи былъ Г. Оберъ-Прокуроръ Св. Синода кн. А. Д. Оболенскій, въ лицѣ котораго профессора встрѣтили человѣка, относящагося съ самымъ живымъ участіемъ къ академическому дѣлу и искренно готоваго оказать ему свое просвѣщенное содѣйствіе. Изъ обмѣна взглядовъ между членами коммисіи выяснилось, что печатаемый ниже проектъ, читанный въ частномъ совѣщаніи комиссіи, въ существенныхъ пунктахъ выражаетъ мнѣніе всѣхъ представителей академическихъ корпорацій и что желательныя измѣненія академическаго устава, могущія способствовать нормальному теченію жизни, должны быть произведены на тѣхъ основаніяхъ, которыя приняты въ проектѣ. Для участія въ засѣданіяхъ комиссіи, въ качествѣ свѣдущихъ лицъ, были приглашены архіепископъ финляндскій Сергій и епископъ псковскій Арсеній. Ознакомленные съ предположеніями академическихъ профессоровъ, преосвящ. Сергій и Арсеній признали ихъ заслуживающими полнаго сочувствія и плодотворными для академическаго дѣла. Возраженіе со стороны Преосвященныхъ встрѣтило только мнѣніе профессоровъ о возможности ставить во главѣ академій лицъ не духовныхъ. Но и по данному пункту Преосвященные соглашались съ профессорами академій въ томъ отношеніи,

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

что допускали случаи, когда, по серьезнымъ основаніямъ, исправленіе должности ректора можетъ быть поручаемо и лицамъ свѣтскимъ. Свои соображенія объ измѣненіи академическаго устава коммисія имѣла возможность изложить предъ Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосв. Митрополитомъ Антоніемъ и, затѣмъ, предъ всѣми наличными членами Св. Синода въ двухъ частныхъ совѣщаніяхъ. Вскорѣ по окончаніи засѣданій коммисіи 30 ноября 1905 г. послѣдовалъ Синодальный указъ, которымъ признана необходимость измѣненія академическаго строя, и возвѣщены начала, имѣющія въ ближайшемъ будущемъ лечь въ основу академической жизни. Начала эти совпадаютъ въ существѣ своемъ съ тѣми, которыя признаны и въ печатаемомъ ниже проектѣ. Начала эти: 1) расширеніе правъ академическаго Совѣта съ предоставленіемъ ему высшей компетенціи въ вопросахъ ученыхъ, учебныхъ и воспитательныхъ; 2) попечительный характеръ мѣстной епархіальной власти по отношенію къ академіямъ и 3) выборность академическаго начальства. Такимъ образомъ, предположенія академическихъ профессоровъ нашли одобреніе и высшей Церковной Власти. Остается пожелать, чтобы эти предположенія въ возможно скоромъ времени вошли въ жизнь и чтобы они дѣйствительно принесли ту пользу для академическаго дѣла, которую отъ нихъ, по многимъ соображеніямъ, можно ожидать.

Печатаемый ниже документъ, одобренный, какъ отмѣчено выше, представителями четырехъ академій, съ достаточной полнотой уясняетъ характеръ желательный для большинства профессоровъ реформы академій. Вмѣстѣ съ тѣмъ документъ этотъ можетъ служить, по нашему мнѣнію, надежнымъ матеріаломъ для разсѣянія тѣхъ неправильныхъ представленій объ академической „автономіи“, которыя, къ сожалѣнію, усердно распространяются. Въ этомъ случаѣ мы разумѣемъ главнымъ образомъ докладную „Записку“ Св. Синоду Преосвященнаго Волынскаго Антонія о духовной школѣ во-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

обще, и объ академіяхъ въ частности [1]). Лицъ, составившихъ представленіе объ академической автономіи по этой „Запискѣ“, мы просимъ сравнить съ ней печатаемый ниже документъ. Въ дополненіе къ этому позволяемъ себѣ сдѣлать и нѣсколько прямыхъ замѣчаній по поводу самой „Записки“, такъ-какъ эти замѣчанія могутъ служить дополнительными разъясненіями къ печатаемому ниже проекту.

Авторъ „Записки“ выступаетъ въ ней прежде всего противникомъ такъ назыв. „академической автономіи“. Но вмѣсто того, чтобы выставить серьезныя и основательныя возраженія противъ предположеній академическихъ корпорацій, преосв. Антоній пытается „изъяснить“, какъ онъ выражается, „психологію академическихъ автономистовъ“ (стр. 6). Это „изъясненіе“, къ сожалѣнію, имѣетъ не столько характеръ психологическаго этюда, сколько видъ чего-то иного, менѣе почтеннаго. Преосвященный авторъ „Записки“ убѣжденъ, что ходатайство академическихъ профессоровъ о предоставленіи академіямъ самоуправленія во внутренней жизни вызывается „явнымъ сочувствіемъ революціонному университетскому движенію“, „явнымъ желаніемъ уничтожить въ Россіи просвѣщенную іерархію чрезъ истребленіе (sic!) въ академіи монашества“, „враждебнымъ отношеніемъ къ православной Церкви“, „желаніемъ подчинить ее протестантскому вліянію“ (стр.

---

[1]) Точное заглавіе „Записки“: „Третья докладная записка. Духовная школа. Святѣйшему Правительствующему Синоду епископа Волынскаго и Житомірскаго“. Стр. 1—26. На Запискѣ обозначено: „не для продажи“. Этимъ, повидимому, указывается на то, что записка имѣетъ характеръ секретный. Но въ виду того, что Записка широко распространена самимъ авторомъ, читалась въ нѣкоторыхъ оффиціальныхъ собраніяхъ, а главное—въ виду общественной важности затронутыхъ въ „Запискѣ“ вопросовъ мы считаемъ возможнымъ коснуться ея на страницахъ нашего журнала. Надѣемся, Преосвященный авторъ позволитъ намъ высказаться по поводу Записки съ такою же откровенностью, съ какою самъ онъ высказывается по поводу стремленій профессоровъ къ т. н. академической автономіи.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

26). По мнѣнію Преосвященнаго, „профессора-автономисты“ требуютъ, чтобы въ духовныхъ академіяхъ... читались лекціи о томъ, будто Іисусъ Христосъ былъ простымъ человѣкомъ, чтобы студенты доказывали на экзаменахъ, что человѣкъ произошелъ отъ обезьяны, опровергали-бы въ диссертаціяхъ безсмертіе души и получали за это ученые дипломы“ (стр. 2). „Не имѣя возможности“, продолжаетъ почтенный авторъ „Записки“, „заинтересовать (студентовъ) своимъ залежалымъ литературнымъ товаромъ, профессора-либералы не сытымъ окомъ взираютъ на Трубецкихъ, Соловьевыхъ и Лебедевыхъ, и особенно на профессоровъ тюбингенцевъ [1]), которые приводятъ въ восторгъ молодую орду своими кощунственными выходками надъ святыми, своимъ безшабашнымъ отрицаніемъ книгъ Св. Писанія, таинствъ церкви, присно-дѣвства Богоматери, Божества Спасителя и пр. Сколько заманчиваго матеріала для плагіата, для рукоплесканій, а взять его цѣликомъ и открыто пока невозможно. Вотъ почему этимъ мыслителямъ, всю жизнь подвизавшимся въ плагіатированіи, такъ хочется автономіи преподаванія“ [2]) (стр. 6).

По печатаемому ниже „проекту“ и объяснительной запискѣ къ нему можно видѣть, какія побужденія и соображенія лежатъ въ основаніи академическихъ ходатайствъ о внутреннемъ самоуправленіи. Эти соображенія, какъ ясно каждому, не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ, о чемъ угодно говорить Преосвященному Волынскому. Съ этими соображеніями можно не соглашаться, противъ нихъ можно возражать по суще-

[1]) Каково сопоставленіе: Трубецкой, Соловьевъ, Лебедевъ и Тюбингенцы! Ниже, впрочемъ, авторъ уже порицаетъ Петербургскую Академію за то, что „по кумовству“ она отклонила кандидатуру Соловьева на каѳедру.

[2]) Здѣсь авторъ „Записки“ дѣлаетъ оговорку: „конечно, рѣчь не о всѣхъ профессорахъ и не о большинствѣ, но наиболѣе настойчивые претенденты на автономію и являются именно такими бездарными и непросвѣщенными импотентами (!) ученой мысли“. Въ другихъ мѣстахъ авторъ всюду говоритъ о профессорахъ вообще.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

ству, и всѣ такія возраженія „профессорами-автономистами“ выслушаны были бы, смѣемъ увѣрить автора „Записки“, съ полнымъ вниманіемъ. Но опровергать указанныя соображенія путемъ набрасыванія тѣни на извѣстныхъ лицъ, посредствомъ шельмованія ихъ,—это значитъ прибѣгать къ тѣмъ дурнымъ и неприличнымъ пріемамъ, которые, къ сожалѣнію, весьма широко практикуются въ наши дни. Что такъ назыв. „автономіей“ академій отнюдь не имѣется въ виду освободиться отъ церковности и открыть просторъ „безшабашному либерализму“ и „кощунственнымъ выходкамъ“, — это ясно: по „проекту“ академія остается православной и находится въ подчиненіи высшей церковной власти, которая, конечно, можетъ имѣть и контроль надъ академіей. Какія же основанія имѣлъ преосв. Антоній предполагать у „профессоровъ-автономистовъ“ еще особыя тайныя намѣренія, обвинять ихъ въ нелѣпомъ стремленіи „истребить“ монашество, въ антицерковности, въ безбожіи, въ революціонныхъ планахъ? Конечно, излишне усерднымъ нагроможденіемъ преступленій на головы академическихъ профессоровъ, почтенный авторъ „Записки“ сильно ослабилъ твердость составленнаго имъ обвинительнаго акта. Но если-бы кто захотѣлъ придать какое-либо значеніе его словамъ, тотъ долженъ былъ-бы признать, что содержащіяся въ нихъ обвиненія крайне тяжки, что въ виду этихъ обвиненій, пожалуй, дѣйствительно остается только поступить съ академіями по рецепту автора,—именно „разогнать“ профессоровъ, „разломать, вырыть фундаменты семинарскихъ и академическихъ зданій и взамѣнъ прежнихъ на новомъ мѣстѣ выстроить новыя и наполнить ихъ новыми людьми“ (стр. 2—3). Такая крайняя серьезность обвиненій, взводимыхъ на академическихъ профессоровъ, повидимому, должна-бы была вызвать у составителя „Записки“ естественный вопросъ: удобно-ли обвиненія столь тяжкія выставлять голословно, выставлять въ бумагѣ оффиціальной, направляемой къ высшей церковной

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

власти и имѣющей притязанія лечь въ основу реформы духовно-учебныхъ заведеній? И съ юридической точки зрѣнія, и тѣмъ болѣе съ этической отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только отрицательный. Одного усмотрѣнія для обвиненій подобныхъ тѣмъ, какія выставлены въ „Запискѣ“, далеко недостаточно: здѣсь нужны твердые, строго провѣренные факты. Авторъ „Записки“, къ сожалѣнію, не считаетъ себя обязаннымъ дать такіе факты, и, смѣемъ думать, у него ихъ нѣтъ. Въ распоряженіи его, какъ человѣка, стоящаго давно вдали отъ академической жизни, могутъ быть только темные анонимные слухи, опираться на которые не только въ оффиціальномъ документѣ, но и въ приличномъ разговорѣ, никто не имѣетъ права. Дѣятельность академическихъ профессоровъ у всѣхъ на виду. О ней можно судить по представляемымъ профессорами и печатаемымъ ими программамъ чтеній, по академическимъ журналамъ, по диссертаціямъ, составляемымъ какъ самими профессорами, такъ и студентами подъ ихъ руководствомъ. Въ этомъ единственно надежномъ матеріалѣ авторъ „Записки“, полагаемъ, не укажетъ ни отрицанія Божества Христа, ни опроверженія вѣры въ безсмертіе души, ни вообще столь страшнаго для него тюбингенства. Смѣлость выступать въ роли суроваго обличителя академическихъ профессоровъ почтенному автору „Записки“, повидимому, придаетъ проникающее всю „Записку“ сознаніе себя ревнителемъ о православной вѣрѣ и служителемъ православной Церкви. Мы, по заповѣди апостола, считаемъ позволительнымъ хвалиться только о немощахъ своихъ. Но въ виду несправедливыхъ обвиненій, могущихъ повредить дорогому намъ академическому дѣлу, мы вынуждены и имѣемъ смѣлость отъ лица „профессоровъ-автономистовъ“ заявить, что и мы не въ меньшей степени, чѣмъ авторъ „Записки“, сознаемъ себя православными христіанами, что для насъ не менѣе, чѣмъ для него, дорого благо св. православной Церкви, трудиться

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

для котораго по мѣрѣ силъ и разумѣнія мы считаемъ своимъ долгомъ. На тѣ измѣненія академическаго строя, которыя заподозрѣваются въ „Запискѣ“, мы смотримъ только какъ на условія, могущія сдѣлать служеніе академій для Прав. Церкви болѣе плодотворнымъ. Можно спорить о правильности такого взгляда, но никто, и въ томъ числѣ авторъ „Записки“, не имѣетъ права безъ достаточныхъ основаній заподозрѣвать его искренность.

Къ сказанному считаемъ нужнымъ добавить и слѣдующее. Докладываемыя Св. Синоду обвиненія академическихъ профессоровъ въ неправославіи тѣмъ болѣе намъ непонятны, что самъ авторъ „Записки“, повидимому, не считаетъ себя обязаннымъ держаться православнаго ученія въ его обычномъ, одобряемомъ Св. Синодомъ, толкованіи. Въ своей „Запискѣ“ Преосвященный ясно отмѣчаетъ, что его православіе какое-то особенное, пока ему одному вѣдомое. Богословскія системы Митроп. Макарія, по которымъ, съ благословенія Св. Синода, вотъ уже полстолѣтія обучается юношество, авторъ „Записки“ насмѣшливо называетъ „Макарьевской рутиной и схоластикой“ (стр. 5), а о всѣхъ русскихъ системахъ богословія безъ исключенія онъ говоритъ, что онѣ списаны „съ еретическихъ ученій“ (стр. 24). „Нужно признаться открыто“, заявляетъ, наконецъ, Преосвященный прямо, „что системы Православнаго Богословія (догматика, этика) суть еще *нѣчто искомое* (стр. 23). Не знаемъ, насколько точно авторъ „Записки“ выразилъ въ этихъ словахъ свои мысли. Допускаемъ, что вслѣдствіе полемическаго увлеченія здѣсь фразы не соразмѣрены съ мыслями. Но если приведенныя выраженія „Записки“ точны, то они могутъ возбуждать серьезныя недоумѣнія и произвести во многихъ большое смущеніе. Въ самомъ дѣлѣ: сказать, что системы православнаго богословія суть нѣчто искомое, не значитъ ли стать на одну доску съ обличаемыми авторомъ миѳическими „профессорами-автономистами“ и вступить на тотъ

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

путь, который послѣ нѣсколькихъ легкихъ поворотовъ можетъ привести прямо въ объятія „безшабашно“ (стр. 5) все отрицающихъ тюбингенцевъ?!

Касаясь отдѣльныхъ пунктовъ проектируемой профессорами такъ наз автономіи, „Записка“ относится отрицательно и къ выборному началу вообще, и къ допущенію на начальственныя должности въ академіяхъ мірянъ. Усматривая въ желаніяхъ профессоровъ имѣть выборного ректора стремленіе удалить изъ корпораціи всѣхъ духовныхъ лицъ (стр. 17), авторъ Записки настаиваетъ на томъ, что ректоромъ академіи долженъ быть епископъ, а инспекторомъ архимандритъ (стр. 25). Повидимому, въ качествѣ основанія для такого мнѣнія, Преосвященный на стр. 16 даетъ сравнительную характеристику начальниковъ духовно-учебныхъ заведеній изъ монашествующихъ лицъ и изъ бѣлаго духовенства. Преосвященный всецѣло на сторонѣ монашествующаго начальства: монаховъ ректоровъ онъ считаетъ „незамѣнимыми“ начальниками, хранителями вѣры, представителями личной праведности, радѣтелями о богослуженіи, образцами нестяжательности, педагогами, руководящимися любовью къ ученикамъ [1]).

[1]) Вотъ подлинныя слова Записки, относящіяся къ этому пункту: „Укажемъ вкратцѣ, въ чемъ незамѣнимы начальники-монахи въ дѣлѣ воспитанія пастырей церкви. 1) Въ усвоеніи любви къ церковной службѣ и полиманіи ея. Ректора—протоіереи, принявшіе св. санъ уже изъ чиновниковъ, церковной службы вовсе не знаютъ и не любятъ. Осмысленное и благоговѣйное священное служеніе вы встрѣтите только въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ ректора и инспектора были монахи 2) Въ близкомъ духовно-руководственномъ отношеніи къ ученикамъ Педагогъ—монахъ, не имѣющій своихъ дѣтей, любитъ чужихъ. Онъ мыслитъ себя прежде всего ихъ духовнымъ пастыремъ, а педагогъ семейный связанъ съ питомцами началами юридическими. Таково же бываетъ и отношеніе приходскихъ пастырей къ народу; священники, духовники и проповѣдники встрѣтятся вамъ въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ пастырями и воспитателями были монахи, а іереи подстриженные, въ штиблетахъ и съ ружьями подъ постелью (?)—въ епархіяхъ съ мірскими педагогами. 3) Личная праведность священника, какъ главное условіе пастырскаго успѣха,—эта идея прививается педагогами—монахами, а тамъ гдѣ ихъ нѣтъ, семинаріи учитъ своихъ питомцевъ борьбѣ за существова-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

По ходу рѣчи видно, что протоіереевъ и священниковъ,— тѣмъ болѣе мірянъ, авторъ „Записки“ не считаетъ такими, для которыхъ возможно обладать указанными качествами. Нѣсколько ниже авторъ прямо и не безъ удовольствія заявляетъ, что семинарскіе бунты, умножившіеся съ 1895 г., а съ 1901 г. ставшіе повсемѣстными, открылись именно въ тѣхъ семинаріяхъ, гдѣ ректорами были протоіереи, а инспекторами міряне.

Считаемъ долгомъ, прежде всего, увѣрить почтеннаго автора въ томъ, что „профессорамъ-автономистамъ“ чужды тотъ нехристіанскій духъ нетерпимости, который, къ прискорбію и къ смущенію многихъ, обнаруживается въ „Запискѣ“. Стремленія удалить изъ корпораціи всѣхъ духовныхъ лицъ, какъ предполагаетъ Преосвященный, у нихъ нѣтъ. Среди академическихъ профессоровъ не мало такихъ, которые облечены духовнымъ саномъ, и вездѣ они пользуются подобающимъ уваженіемъ. О многихъ бывшихъ духовныхъ ректорахъ, епископахъ и протоіереяхъ, и донынѣ вспоминаютъ въ академіяхъ съ любовью и почтеніемъ. Если въ печатаемомъ ниже проектѣ предположено выбирать ректоровъ академіи какъ изъ духовныхъ, такъ и изъ свѣтскихъ лицъ, то это сдѣлано *отнюдь не по какому-либо расположенію къ духовному сану*, а по другимъ, представляющимся

ніе, а личную ихъ жизнь отрѣшаетъ отъ ихъ пастырской дѣятельности; тамъ священники служатъ безъ правила, пожираютъ въ посту говядину, по примѣру своихъ педагоговъ и, по ихъ же примѣру (?), копятъ деньги, а свои общественныя стремленія направляютъ только въ сторону интересовъ сословія, народа же приходскаго и знать не желаютъ. Посему мы утверждаемъ, что главными воспитателями семинаріи должны быть монахи, а іереями ихъ замѣнять можно только при оскудѣніи монашества, да притомъ—такими іереями, которые уже отличались своимъ добрымъ вліяніемъ на учениковъ, а не только жаждутъ повышенія изъ должности преподавателя. Но если можно допускать въ начальники духовной школы семейныхъ священниковъ, то мірянъ, предпочетшихъ званію титулярнаго совѣтника апостольскому жребію, отнюдь не должно призывать къ воспитанію пастырей“.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

для многихъ резонными, соображеніямъ. Ректоръ академіи, чтобы быть лицомъ дѣйствительно авторитетнымъ, долженъ обладать такими качествами, которыя рѣдко соединяются въ одномъ человѣкѣ. Выбрать достойнаго ректора для академическихъ корпорацій не легко. Если же кругъ подлежащихъ выбору лицъ ограничить имѣющими духовный санъ или желающими принять его, то выборъ будетъ затрудненъ до крайности. Можно опасаться, что на практикѣ придется тогда не рѣдко жертвовать въ пользу сана авторитетомъ личности, т. е. жертвовать самымъ существеннымъ для академическаго дѣла преимуществомъ выборнаго начала. Въ видахъ предупрежденія этого и приходится признать возможность для ректора не быть лицомъ духовнымъ. Преосвященный настаиваетъ на томъ, что ректоръ академіи долженъ быть епископомъ, а инспекторъ архимандритомъ. Но опытъ прошлаго,—особенно недавняго,—повидимому, достаточно показалъ значительныя неудобства такой практики и трудности ея поддержанія. Разумѣется, слѣдовало-бы преодолѣть всѣ трудности, если бы по существу дѣла необходимо было ставить во главѣ академіи епископовъ, или вообще монашествующихъ и духовныхъ лицъ. Но такой необходимости, повидимому, нѣтъ. Приготовленіе къ священству, даже по нынѣ дѣйствующему уставу, не есть первая задача академій. Право на священство даетъ семинарія. Слѣдовательно, предполагается, что приготовленіе къ пастырству заканчивается уже въ семинаріи. Какихъ-либо особыхъ, новыхъ, пастырскихъ навыковъ академія, какъ будто, не можетъ дать, и въ этомъ отношеніи она не отличается отъ семинаріи. То, что можетъ дать академія и чѣмъ она отличается отъ семинаріи, заключается собственно въ богословскихъ знаніяхъ. И въ уставѣ академическомъ именно главной задачей академій считается доставленіе всѣмъ желающимъ высшаго богословскаго образованія. Естественно, что и отъ ректора академіи прежде всего требуется авторитетъ ученый, который, конеч-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

но, не привязывается исключительно къ епископскому или вообще къ священному сану. На первыхъ порахъ, безъ сомнѣнія, бросалось бы въ глаза то обстоятельство, что во главѣ какой-либо академіи стоитъ лицо не духовное. Но, если взглянуть на дѣло по существу, то едва-ли можно найти въ этомъ что-либо странное и соблазнительное. Автора „Записки", разумѣется, въ этомъ трудно убѣдить. Онъ твердо вѣруетъ, что *только* монашествующіе являются незамѣнимыми начальниками и только они одни обладаютъ тѣми качествами, которыми подобаетъ украшаться лицу, облеченному властью! Многіе подумаютъ, что Преосвященный въ данномъ случаѣ не достаточно объективенъ и намѣренно не хочетъ вспоминать о нѣкоторыхъ хорошо ему извѣстныхъ фактахъ. Въ частности, начальствующіе протоіереи и іереи едва-ли согласятся съ обиднымъ мнѣніемъ о нихъ Преосвященнаго. Мы, однако, этого не будемъ касаться. Позволимъ себѣ только замѣтить, что и міряне суть полноправные члены Христовой Церкви, дерзающіе имѣть надежду на спасеніе, что, при помощи Божіей, и они могутъ обладать тѣми качествами, которыя украшаютъ лицъ монашествующихъ, т. е. имѣть личную праведность, любовь къ питомцамъ, нестяжательность, ревность о службѣ Божіей. Неужели нѣтъ такихъ мірянъ? А если они есть, то почему имъ не быть начальниками академій? Не забудемъ, что древняя церковь не только дозволяла мірянамъ учительство, но и допускала завѣдываніе высшими богословскими школами, какъ это было въ Александріи (Пантенъ, Оригенъ). Преосвященный Антоній въ вину подобнымъ лицамъ вмѣняетъ ихъ уклоненіе отъ принятія священнаго сана Онъ считаетъ это уклоненіемъ „отъ знамени Христа по любви къ міру, по равнодушію къ св. вѣрѣ" (стр. 16). Но съ такимъ взглядомъ едва-ли кто-либо согласится. Во-первыхъ, подъ знаменемъ Христа, мы думаемъ, стоятъ не одни только монахи и священники, но и всѣ православные христіане. Во-вторыхъ, отъ священнаго сана люди не потому только отказываются, что „предпочитаютъ, какъ выра-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

жается Преосвященный, званіе титулярнаго совѣтника апостольскому жребію". „Апостольскій жребій" въ наши времена не для всѣхъ очень труденъ, и дѣло не въ этомъ. Несомнѣнно, у людей искренно и глубоко религіозныхъ могутъ быть серьезные мотивы, воздерживающіе ихъ отъ рѣшимости принять священный санъ... Только при нынѣшнемъ ослабленіи уваженія къ священству возможно всякаго богослова, не рѣшающагося принять священство, объявлять ренегатомъ, и въ то же время съ легкимъ сердцемъ облекать этимъ саномъ едва преступившихъ предѣлы отрочества...

Намъ приходитъ на мысль и еще одно соображеніе. Въ „Запискѣ" Преосв. Антонія рѣзко подчеркивается различіе между іерархіей (точнѣе—монашествующими) и мірянами въ ихъ отношеніи къ благу Церкви. Усвояя іерархіи, и главнымъ образомъ монашествующему элементу ея, всѣ заботы о церковномъ благѣ, почтенный авторъ Записки склоненъ представлять мірянъ почти врагами Церкви, смотритъ на нихъ, какъ на massa perditionis, и не оставляетъ имъ никакой положительной роли въ созиданіи церковной жизни. Подобное рѣзкое подчеркиваніе различія между іерархіей и мірянами, практикуемое у насъ очень давно, по нашему разумѣнію, имѣетъ самыя вредныя послѣдствія для церковной жизни. Усыпленные постоянными напоминаніями о своемъ второстепенномъ положеніи въ Церкви, о своихъ низшихъ правахъ, міряне привыкли уменьшать и свои обязанности. Вѣдь въ существѣ дѣла для мірянъ въ дѣлѣ спасенія обязательно все то, что обязательно и для монаховъ,—за исключеніемъ нѣкоторыхъ аскетическихъ упражненій и специфическихъ особенностей быта. Міряне не въ меньшей степени должны соблюдать евангельскія заповѣди и церковные уставы, чѣмъ монахи. Между тѣмъ, въ нашемъ обществѣ, подъ вліяніемъ указанныхъ выше напоминаній, невольно укрѣпилось убѣжденіе, что чтеніе Слова Божія, знаніе христіанскаго вѣроученія, соблюденіе постовъ, посѣщеніе богослуженія и пр.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

есть дѣло монаховъ и священниковъ, а не обязанность каждаго православнаго христіанина. Противъ этого ложнаго убѣжденія, конечно, нужно всячески бороться Появленіе во главѣ академіи свѣтскихъ лицъ, думается, могло-бы служить средствомъ для этого: для многихъ оно было-бы напоминаніемъ о томъ, что богословскіе вопросы имѣютъ важность не для однихъ монаховъ, и что христіанскіе идеалы должны быть дороги и людямъ свѣтскимъ. Мы, по крайней мѣрѣ, знаемъ не мало фактовъ, когда благотворное вліяніе производило именно то обстоятельство, что въ качествѣ представителей и защитниковъ церковности выступали міряне.

Но Преосв. Антоній не только противъ допущенія на начальническія мѣста въ академіяхъ лицъ не монашествующихъ, а и противъ выборного начала вообще. Въ Московской Академіи, говоритъ онъ, „выборное начало не было увѣнчано успѣхомъ: при выборномъ ректорѣ и инспекторѣ въ 1876—1887 г. наука не процвѣтала, а хозяйство Академіи подвергалось разграбленію начальниковъ, за что они и были уволены по доносу студентовъ... При выборномъ ректорѣ протоіереѣ Смирновѣ полученіе каѳедръ и прочихъ академическихъ должностей было связано съ женитьбой на одной изъ восьми его дочерей; подобное же было и въ Кіевской Академіи при выборныхъ инспекторахъ“ (стр. 25—26). Этимъ и исчерпывается содержащаяся въ „Запискѣ“ критика выборного начала. Сила аргументаціи автора ясна для каждаго, и объ этомъ не стоитъ распространяться. Не нужно много говорить и о другой сторонѣ приведенной тирады, о той удивительной легкости, съ которой почтенный авторъ относится и къ фактамъ, и къ доброму имени ближнихъ... Судя по общему характеру „Записки“, мы нисколько не сомнѣваемся въ томъ, что все сказанное авторомъ о Московской Академіи въ періодъ 1876—87 гг. не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. О сообщеніи касательно выборныхъ инспекторовъ Кіевской Академіи, здравствующихъ и донынѣ,

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

мы на основаніи точно извѣстныхъ фактовъ прямо утверждаемъ, что это сообщеніе почерпнуто Преосвященнымъ изъ источника ненадежнаго и представляетъ плодъ совершеннаго вымысла. Наконецъ, по поводу всей тирады, въ которой осмѣиваетъ Преосв. Антоній выборное начало, должно замѣтить, что она не попадаетъ въ цѣль: выборныхъ ректоровъ въ академіяхъ досель не было, и, слѣдовательно, ректорскихъ злоупотребленій, зависѣвшихъ отъ выборности, ни въ Московской Академіи, ни гдѣ-либо еще происходить не могло.

Положительная часть „Записки“ Преосв. Антонія содержитъ проектъ будущей академіи. Проектъ этотъ, впрочемъ, имѣетъ характеръ самый общій. Осуществленіе своего проекта Преосвященный предлагаетъ начать съ упраздненія существующихъ академій, съ того, чтобы всѣхъ студентовъ признать исключенными и, выработавъ къ лѣту новый уставъ, принять лишь тѣхъ изъ нихъ, которые изъявятъ готовность ему подчиниться. „Если таковую готовность изъявитъ половина студентовъ, то собрать ихъ въ двѣ академіи, если четверть—то въ одну. Подобнымъ же образомъ предложить продолженіе службы и профессорамъ-автономистамъ, ибо несомнѣнно, что въ двухъ, а можетъ быть и въ трехъ академіяхъ студенты именно ими приведены къ забастовкѣ при помощи столичныхъ либеральныхъ іереевъ декадентовъ“ (стр. 20). По поводу послѣдняго утвержденія Преосвященнаго приходится напомнить то, что сказано ранѣе: не слѣдуетъ бросать въ лицо людямъ обвиненія, котораго нельзя доказать. А что почтенный авторъ „Записки“ не имѣетъ возможности доказать содѣйствіе профессоровъ трехъ духовныхъ академій студенческимъ забастовкамъ, въ этомъ едва-ли кто-либо усумнится.—Что касается мѣръ, предлагаемыхъ Преосвященнымъ къ возстановленію спокойствія въ академіяхъ, то эти мѣры, конечно, радикальны. Однако необходимость ихъ подлежитъ сомнѣнію. Исключить и разогнать не трудно и притомъ никогда не поздно. Но къ этой рѣшитель-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

ной мѣрѣ слѣдуетъ прибѣгнуть тогда, когда всѣ прочія уже испробованы и оказались безполезными. По отношенію къ академическому дѣлу, мы думаемъ, этого сказать еще нельзя.

Будущая академія представляется Преосвященному высшей образовательной школой. Характеръ этой школы, однако, у него очерченъ довольно туманно. Авторъ „Записки", какъ-будто, хочетъ сдѣлать академію богословскимъ факультетомъ и устранить изъ нея науки, не связанныя съ богословіемъ, именно—гражданскую исторію всеобщую и русскую, исторію иностранныхъ литературъ и древніе языки (стр. 22). Но въ то же время онъ рекомендуетъ сохранить въ академіяхъ въ широкомъ объемѣ науки философскія и русскую литературу (стр 21). Самые мотивы исключенія изъ академическаго курса свѣтскихъ наукъ въ „Запискѣ" выставлены странные. Первый мотивъ тотъ, что свѣтскія науки будто-бы „навсегда приговорены къ крайне неудовлетворительному преподаванію духовныхъ профессоровъ, неспособныхъ (??) къ изученію сихъ наукъ по своей неподготовленности". Второй мотивъ къ исключенію свѣтскихъ наукъ изъ академическаго курса тотъ, что эти науки „бываютъ причиной быстраго облѣненія прилежныхъ семинаристовъ, поступающихъ въ академію". Наконецъ, третій мотивъ: „нѣтъ никакого смысла читать эти огромныя доктрины по два часа въ недѣлю (?) одинъ годъ; нѣтъ никакой возможности усвоить ихъ и преподавать не знающему новыхъ языковъ сельскому провинціалу" (!?). Въ этихъ соображеніяхъ почтеннаго автора трудно что-либо понять. Почему духовные профессора не способны къ преподаванію свѣтскихъ наукъ? Какимъ образомъ, будучи неспособны къ изученію русской гражданской исторіи, они могутъ и должны преподавать русскую литературу, да еще въ широкихъ размѣрахъ? Какимъ образомъ свѣтскія науки способствуютъ „облѣненію прилежныхъ семинаристовъ"? Почему, наконецъ, „не знающій новыхъ языковъ сельскій провинціалъ" не можетъ слушать курса за-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

падно-европейской литературы въ академіи и отлично слушаетъ тотъ же курсъ въ университетѣ? При осуществленіи проекта Преосвященнаго, думаемъ, трудно было-бы исполнить и его настойчивый, много разъ повторяемый имъ, совѣтъ объ изученіи источниковъ богословія. Совѣтъ этотъ, конечно, хорошій, хотя и не новый. Но вѣдь источники православнаго богословія главнымъ образомъ написаны на древнихъ языкахъ, къ преподаванію которыхъ Преосвященный считаетъ неспособными академическихъ профессоровъ и отъ изученія которыхъ онъ освобождаетъ студентовъ... Вообще опредѣленіе состава академическаго курса наукъ дѣло очень серьезное, и къ нему слѣдовало-бы отнестись съ большимъ вниманіемъ и осторожностью, чѣмъ какія можно видѣть въ „Запискѣ“, пытающейся установить основы академической реформы. Съ почтеннымъ авторомъ „Записки“ вполнѣ можно согласиться, когда онъ требуетъ расширенія преподаванія въ академіяхъ такихъ богословскихъ наукъ, какъ Св. Писаніе и Патрологія. Но его желаніе удалить изъ академическаго курса „значительное количество“ свѣтскихъ наукъ, по нашему мнѣнію, не можетъ привести къ благимъ результатамъ; во всякомъ случаѣ, церковнаго духа такимъ путемъ не создать.

Переходя отъ учебной части академіи къ воспитательной, Преосв Антоній проектируетъ для перваго времени превращеніе одной изъ академій въ чисто духовную. Побужденіемъ къ этому для Преосвященнаго служатъ „стѣсненія и страданія благоговѣйно настроенныхъ, церковнаго духа юношей, законныхъ сыновъ академіи, претерпѣвающихъ въ студенческомъ быту такую же пытку, какъ Исаакъ отъ Измаила“. „Какъ они прячутся для молитвы, какъ уединяются по корридорамъ во время попоекъ, какъ вынуждены бываютъ слушать богохульства товарищей и циничныя кощунства профессоровъ, каково имъ есть въ великомъ посту

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

рыбу, слушать часовую всенощную, видѣть смѣхъ на клиросахъ, чтеніе романовъ въ рядахъ невольныхъ богомольцевъ и пр. и пр."! „Дайте", взываетъ Преосвященный, „этимъ мученикамъ христіанства свободу вѣроисповѣданія, соедините ихъ въ одну академію, прежде чѣмъ ихъ или развратила, или притупила и ожесточила среда буйныхъ товарищей и профессоровъ скептиковъ". Въ академіи, назначенной для „мучениковъ христіанства", по мысли Преосвященнаго, должны быть юноши, желающіе быть священниками и монахами; они должны носить духовную одежду и соблюдать по очереди церковную службу; духовными должны быть и профессора,— по крайней мѣрѣ, на богословскихъ каоедрахъ (стр. 24).

По поводу изложеннаго, прежде всего, замѣтимъ, что свѣдѣнія „Записки" о стѣсненіяхъ и страданіяхъ въ академіяхъ благоговѣйно настроенныхъ студентовъ для насъ являются совершенно новыми. Позволяемъ себѣ думать, что въ этихъ свѣдѣніяхъ гораздо болѣе чувства, чѣмъ точности. Во всякомъ случаѣ, въ Кіевской академіи никогда не было ни гоненій на христіанство, ни мучениковъ христіанства... Затѣмъ, противъ созданія особой академіи для священниковъ и монаховъ, проектируемаго Преосвященнымъ, едва-ли можно возражать. Но согласиться съ яснымъ желаніемъ Преосвященнаго, чтобы и всѣ четыре академіи были сдѣланы священническими и монашескими, полагаемъ, не такъ легко. Вѣдь богословскими науками могутъ интересоваться и такіе люди, которые вовсе не намѣреваются быть священниками или монахами. Неужели Церковь должна оттолкнуть ихъ? По нашему разумѣнію, Церковь можетъ только желать, чтобы свѣтъ ея ученія распространялся возможно шире, чтобы духомъ этого ученія были обвѣяны не только непосредственные служители церковнаго дѣла, но и люди, трудящіеся на другихъ поприщахъ общественной жизни. Повидимому, не о стѣсненіи доступа въ академіи путемъ превращенія ихъ въ спе-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

ціально священническія школы должно хлопотать, а о томъ, чтобы академіи широко открывали свои двери всякому, кто вѣруетъ въ силу Православной Церкви, кому дорога Христова истина.

Въ заключеніе своихъ бѣглыхъ замѣтокъ о „Запискѣ“ позволимъ себѣ сказать два слова по поводу отношенія автора „Записки“ къ академической наукѣ и къ академическимъ профессорамъ. Отношеніе это крайне суровое, рѣзко отрицательное. Академическую науку Преосвященный представляетъ (стр. 22) сплошнымъ, дѣлаемымъ безъ зазрѣнія совѣсти, плагіатированіемъ, при чемъ первоисточники наукъ остаются неизвѣстными даже профессорамъ. Корпораціи профессоровъ онъ считаетъ (стр. 23) „вырождающимися учеными обществами“, въ которыхъ господствуютъ интриги, зависть, кумовство, индифферентизмъ и чисто семейное начало въ отношеніи къ научнымъ интересамъ. Столь рѣзкаго отзыва академіи, думаемъ, не получили доселѣ даже отъ своихъ злѣйшихъ враговъ. Въ устахъ же автора „Записки“, много лѣтъ жившаго академическою жизнью, письменно и устно заявлявшаго о своей любви къ академіи, подобный отзывъ представляется прямо чѣмъ-то невѣроятнымъ... Академическая наука, можетъ быть, далека отъ своего идеала. Но въ цѣломъ она все-таки есть нѣчто весьма значительное, и къ ней должно относиться не съ насмѣшкой и осужденіемъ, какъ дѣлаетъ это Преосвященный, а съ почтеніемъ. Какъ бы ни были многочисленны недостатки академической науки, тѣмъ не менѣе все то, что мы имѣемъ по богословію, вышло, за немногими исключеніями, изъ академій, сдѣлано или самими профессорами или подъ руководствомъ профессоровъ. Доселѣ у насъ почти невозможно было заниматься богословской наукой внѣ академій; думаемъ, долгое время такъ будетъ и впредь. Благотворное вліяніе академической среды въ этомъ отношеніи, полагаемъ, не могъ не испытать на себѣ и самъ почтенный авторъ „Записки“, ученая дѣятельность котораго

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

падаетъ именно на время пребыванія въ академической корпораціи.

Что касается нравственнаго облика академическихъ корпорацій, низведенныхъ Преосвященнымъ на степень вырождающихся обществъ, то говорить объ этомъ мы считаемъ неудобнымъ. Можемъ лишь пожалѣть о томъ, что почтенному автору „Записки“, по званію почетнаго члена академій, приходится быть въ такомъ „дурномъ обществѣ“, какое, по его мнѣнію, представляютъ академическіе профессора.

15-го декабря 1905 г. состоялось редакціонное собраніе профессорской корпораціи. Въ этомъ собраніи была заслушана докладная записка П. Кудрявцева, В. Рыбинскаго и свящ. А. Глаголева слѣдующаго содержанія:

„Въ настоящее, исключительное по своему значенію, время, когда намѣчаются, разрабатываются и осуществляются коренныя реформы въ областяхъ политической и церковной, при сильнѣйшемъ броженіи всѣхъ общественныхъ элементовъ, Кіевская духовная Академія, почти триста лѣтъ стоящая въ центрѣ церковной жизни юго-западнаго края, призывается и обязывающими воспоминаніями своего прошлаго, и властными требованіями настоящаго—безъ всякаго замедленія взять на себя посильное выполненіе своей естественной миссіи научной разработки и всесторонняго уясненія различныхъ сторонъ предстоящей церковной реформы, равно какъ освѣщенія—съ православно-христіанской точки зрѣнія—важнѣйшихъ явленій въ религіозной, научной, художественной, политической и общественной жизни нашей родины. Для болѣе успѣшнаго выполненія этой миссіи Академія нуждается въ такомъ періодическомъ изданіи, которое, объединивъ около себя—въ качествѣ сотрудниковъ и читателей—лицъ, убѣжденныхъ въ теоретической истинности и практической цѣнности православно-христіанскаго міропониманія, особенно бывшихъ и настоящихъ воспитанниковъ Академіи, служило бы имъ органомъ для обмѣна мнѣніями по современнымъ

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

вопросамъ, давая вмѣстѣ съ тѣмъ Академіи—въ полномъ составѣ сплоченныхъ около нея силъ—возможность своевременно отзываться на вопросы жизни въ ту эпоху исторіи, когда эта именно обязанность налагается на Академію. „Труды Кіевской духовной Академіи“ не могутъ *вполнѣ* отвѣчать намѣченной задачѣ, во-первыхъ, потому, что прежде всего и главнымъ образомъ они служатъ (какъ и должны служить) осуществленію другой, не менѣе важной и для высшей богословской школы неотмѣнно обязательной, задачѣ строго научной разработки различныхъ отраслей богословскаго вѣдѣнія, оставляя для научно-*популярныхъ* и публицистическихъ статей сравнительно мало мѣста, для газетнаго же матеріала и совсѣмъ закрывая свои страницы, а во-вторыхъ, потому, что ежемѣсячное изданіе не въ состояніи услѣдить за быстрымъ движеніемъ современной жизни, въ чемъ каждый могъ убѣдиться хотя бы за послѣднее полугодіе. Въ виду сказаннаго мы считаемъ не только своевременнымъ, но и неотложнымъ дѣломъ, вспомнивъ недавнее прошлое нашей Академіи, возобновить изданіе при Кіевской духовной Академіи, рядомъ съ „Трудами Академіи“, еженедѣльнаго органа, посвященнаго освѣщенію современной жизни—во всѣхъ ея проявленіяхъ—съ православно-христіанской точки зрѣнія. Мы убѣждены, что проектируемое изданіе, отвѣчая насущной потребности времени, значительно посодѣйствуетъ *болѣе широкому* распространенію среди читающаго общества „Трудовъ Академіи“ и другихъ академическихъ изданій. Основою для такой увѣренности, на ряду съ уроками прошлаго нашей Академіи, для насъ служатъ настойчивыя заявленія въ этомъ родѣ со стороны бывшихъ воспитанниковъ нашей Академіи, а также со стороны духовенства.

Проектируемое изданіе могло бы быть организовано на слѣдующихъ основаніяхъ:

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

1) Журналъ выходитъ одинъ разъ въ недѣлю, по воскресеньямъ, въ объемѣ двухъ печатныхъ листовъ каждый номеръ, подъ названіемъ „*Кіевское Воскресное Слово*“;

2) программа журнала слѣдующая:

I. Отдѣлъ *публицистическій*: статьи по вопросамъ, выдвигаемымъ церковною, политическою и общественною жизнію нашего времени.

II. Отдѣлъ *научно-литературный*: краткія популярныя статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преимущественно богословскихъ; очерки и разсказы.

III. Отдѣлъ *критико-библіографическій*.

IV. *Обозрѣніе* внутреннее и иностранное.

V. *Смѣшанный* отдѣлъ: письма, замѣтки, выдержки и проч.

VI. *Отвѣты* редакціи на вопросы подписчиковъ.

3) Подписная цѣна—5 рублей въ годъ, а вмѣстѣ съ „Трудами Академіи“ 9 рублей въ годъ (одновременно съ этимъ подписную цѣну на „Труды“ можно бы понизить до 6-ти рублей).

4) Журналъ издается на основаніи новаго положенія о печати безъ предварительной цензуры Ректора Академіи.

5) Редакторъ журнала выбирается изъ состава академической корпораціи закрытой подачей голосовъ на тотъ же срокъ, какъ и редакторъ „Трудовъ“ (редакцію того и другого журнала можетъ вести одно и то же лицо, но въ такомъ случаѣ ему избирается помощникъ, съ которымъ редакторъ дѣлитъ свои обязанности по взаимному соглашенію).

По имѣющимся у насъ даннымъ журналъ со стороны сотрудниковъ и литературнаго матеріала можно считать обезпеченнымъ. Не такъ твердо стоитъ другая сторона дѣла—экономическая, но мы полагаемъ, что Академія, находившая въ свое время средства для изданія „Воскреснаго Чтенія“, найдетъ таковыя и для изданія „Кіевскаго Воскреснаго Слова“. По нашему расчету на печатаніе проектируемаго

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

журнала въ количествѣ 600 экземпляровъ потребуется 2200—2500 рублей въ годъ. Не найдетъ ли Собраніе возможнымъ, буде наше предложеніе будетъ принято, разрѣшить расходовать на этотъ предметъ изъ редакціонныхъ суммъ—въ томъ расчетѣ, что если не въ наступающемъ, то въ слѣдующемъ подписномъ году означенная сумма возвратится къ своему источнику, будучи покрыта подписною платой?

Если бы Собраніе согласилось съ нашимъ предложеніемъ, то проектируемый еженедѣльникъ, при энергичномъ веденіи дѣла, могъ бы начать выходить въ Свѣтъ не позже 15-го января 1906-го года. Откладывать осуществленіе этого дѣла на неопредѣленное время было-бы въ высшей степени нежелательно въ виду *исключительной* важности переживаемаго нами момента, возлагающаго на Академію соотвѣтствующія задачи".

Приведенная Записка была подвергнута обсужденію, изъ котораго выяснилось, что идея академическаго еженедѣльника признается почти всѣми членами корпораціи заслуживающею сочувствія. Вмѣстѣ съ этимъ, однако, выяснилось и то, что въ матеріальномъ отношеніи для проектируемаго въ Запискѣ изданія могутъ встрѣтиться большія затрудненія. Послѣднее обстоятельство побудило отложить осуществленіе мысли объ академическомъ еженедѣльникѣ до болѣе благопріятнаго будущаго.

Послѣ обсужденія приведенной выше докладной записки въ собраніи были произведены выборы редактора академическаго журнала. Предъ началомъ выборовъ проф. В. Ѳ. Пѣвницкій заявилъ о своемъ отказѣ редактировать академическій органъ. Преосвященный Ректоръ Академіи выразилъ отъ лица всей корпораціи глубокую благодарность В. Ѳ. Пѣвницкому за его многолѣтніе труды по должности редактора академическаго журнала. Прот. І. Н. Корольковъ и П. П. Кудрявцевъ обратили вниманіе на то, что В. Ѳ. Пѣвницкій былъ не только безсмѣннымъ редакторомъ академическаго ежемѣсячника, а и самымъ неутомимымъ сотрудникомъ его,

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

помѣщая въ прежніе годы иногда до 30 печатныхъ листовъ, выступая и въ качествѣ ученаго, и въ качествѣ публициста, и въ качествѣ проповѣдника. Произведенной, затѣмъ, закрытой баллотировкой редакторомъ „Трудовъ“ былъ избранъ экстра-ординарный профессоръ В. Рыбинскій. При этомъ членами корпораціи было выражено желаніе, чтобы академическій журналъ, оставаясь попрежнему главнымъ образомъ органомъ научнымъ, открывалъ свои страницы и для обсужденія вопросовъ современной церковно-общественной жизни.

Вл. Рыбинскій.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua